

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

«Есть люди, в убийстве находящие приятность»

Аннотация. Статья посвящена проблеме агрессивности людей. В философской и психологической литературе постоянно обсуждается вопрос о том, можно ли считать человека убийцей по определению. Как свидетельствуют современные исследования, тяга к смерти не заложена в человеке генетически. Для прояснения вопроса нужно обращаться к социальным и культурным факторам. Первоначально человек считал себя подобным зверю. Такое убеждение всё ещё присуще «охотничьим народам», народам с архаическими обычаями. Но действительно ли культура настолько облагородила человека, что он утратил в себе «зверские» качества? Ответ на этот вопрос содержится во многих исследованиях. Проблема заключается в том, можно ли полагать, что в каждом человеке потенциально сидит убийца или это относится только к отдельным особям человеческого сообщества?

В статье использованы открытия нейронаук, генетики и социобиологии. Особое внимание уделено культурологическим и этнографическим исследованиям.

В статье дана теоретическая критика социобиологических исследований, в которых объясняется генетическая предрасположенность человека к убийству. Опираясь на современные работы по генетике, автор доказывает, что никакой генетической предрасположенности к убийству у людей нет. Многие парадоксы в человеческом поведении становятся очевидными при изучении социокультурных факторов жизни людей. По мнению автора, теория «человек-убийца» не только ненаучна, но и вредна, поскольку ведёт к таким социальным и политическим последствиям, как расизм, проповедь неравенства. Люди – не обезьяны и не отмеченные клеймом первородного греха ангелы. Их агрессивное поведение даже в его самой насильственной форме, считает автор, сигнализирует о потребности в любви.

Ключевые слова: человеческая природа, агрессивность, генетическая предрасположенность, социокультурные факторы, типы агрессивности, воспитание, жестокость, эмпатия, инстинкт, социобиология.

Аннотация. Статья посвящена проблеме агрессивности людей. В философской и психологической литературе постоянно обсуждается вопрос о том, можно ли считать человека убийцей по определению. Как свидетельствуют современные исследования, тяга к смерти не заложена в человеке генетически. Для прояснения вопроса нужно обращаться к социальным и культурным факторам. Первоначально человек считал себя подобным зверю. Такое убеждение все еще присуще «охотничьим народам», народам с их архаическими обычаями. Но действительно ли культура настолько облагородила человека, что он утратил в себе «зверские» качества. Ответ на этот вопрос содержится во многих исследованиях. В статье дана теоретическая критика социобиологических исследований, в которых объясняется генетическая предрасположенность человека к убийству. Опираясь на современные работы по генетике, автор доказывает, что никакой генетической предрасположенности к убийству у людей нет. Многие парадоксы в человеческом поведении становятся очевидными при изучении социокультурных факторов жизни людей. По мнению автора, теория «человек-убийца» не только ненаучна, но и вредна, поскольку ведет к таким социальным и политическим последствиям, как расизм, проповедь неравенства. Люди – не обезьяны и не отмеченные клеймом первородного греха ангелы. Их агрессивное поведение даже в его самой насильственной форме, считает автор, сигнализирует о потребности в любви.

Ключевые слова: человеческая природа, агрессивность, генетическая предрасположенность, социокультурные факторы, типы агрессивности, воспитание, жестокость, эмпатия, инстинкт, социобиология.

В XIX в., когда Пушкин вложил строчку «Есть люди, в убийстве находящие приятность» в голову Скупого рыцаря, пожалуй, только медики могли судить о людях, захваченных страстью к убийству. Сегодня об этом пишут философы, культурологи, этнографы и юристы. Оказывается, патология жестокости и убийства сопровождает всю историю человечества. Вот что сообщает, к примеру, Жорж Батай: «Человек – по крайней мере в обычных условиях – это зверь, не причастный к тому, что он ест. Но убивать зверя и трансформировать его по своей воле – значит не просто делать вещь то, что изначально очевидно не было ею, это значит заранее определять еще живого зверя как вещь. Убивая, расчленяя, я тем самым утверждаю, что *это* всегда было не более чем вещь. Напротив того, расчленять, жарить и есть человека – отвратительно» [1, с. 66].

Но каннибальство существовало и нет-нет да и напоминает о себе. Об этом часто толкуют исследователи, которые считают, что человек – зверь и убийца. Но так ли уж фатально каннибальство? Ведь оно чаще всего было связано с ритуальными правилами. И снова Ж. Батай: «Если желание поедать людей нам глубоко чуждо, то иначе обстоит дело с желанием убивать. Его испытывает не каждый, но невозможно не замечать, как оно поддерживается в толпе – столь же реально, почти столь же требовательно, как сексуальный голод. Частые и бесполезные побоища на протяжении истории человечества делают ощутимым тот факт, что в каждом человеке сидит потенциальный убийца» [1, с. 539].

Так в каждом человеке или только в тех, кто находит в этом особую приятность?

В 1977 г. в лаборатории профессор Гарвардского университета Эшли Монтегю проводил эксперимент, который был призван обнаружить границы подчинения индивида внешнему диктату. Добровольцы, выступающие в роли «учителей», назначают серию условных электрических шоков «ученикам». На панелях специального пульта расположены электрические выключатели с указанием напряжения тока от 15 до 450 в. Возле отметки 375 – угрожающая надпись «опасно – сильный ток». У края панели знак – «смертельное напряжение». В комнате,

где собрались «ученики», видим акустические приборы. Экспериментаторы объясняют, что устройство способно воспроизводить то слабый крик, то стоны агонии. Вспыхнул свет. Эксперимент начался. Наблюдаем за выражением лиц «учителей». Они атакуют свои жертвы. Видно, что некоторым «хозяевам положения» доставляет удовольствие «проучить» тех, кто не очень послушен, демонстрируя своеволие. Из комнаты, где сидят «ученики», раздаются стоны. Но что это? «Учителя» продолжают усиливать электроток! Иные из них точно в транс. Давно уже нажата кнопка, означающая, что испытуемый на пределе возможного. Но «палачи» упорно продвигаются к самой последней черте – кнопке «смертельное напряжение»...

Почему обычные законопослушные граждане, рядовые клерки, инженеры и прочие обнаружили такую жестокость? Ведь они не руководствовались ненавистью или враждой?

Сам Монтегю не согласен с утверждениями целого ряда современных ученых относительно агрессивности человеческой природы, считая такие теории полностью несправедливыми. Задачу своей работы он видел в детальном исследовании и опровержении всех аргументов тех этиков, социологов и антропологов, которые утверждают, будто по своей природе человек-убийца и что вследствие своего происхождения от животного он агрессивен генетически и инстинктивно [2].

А. Монтегю оспаривает концепцию Э. Фромма, который в книге «Анатомия человеческой деструктивности» [3] выделяет два типа агрессивности: филогенетически запрограммированный биологически – защитный вид агрессии, общий для всех людей и животных (нападение или бегство в случае угрозы жизненным интересам) и биологически неоправданная злостная агрессивность и жестокость, свойственная только людям и вытекающая из условий человеческого существования.

Монтегю пишет, что эта теория Фромма оторвана от жизни, поскольку в действительности типов агрессивности насчитывается значительно больше. Основываясь на разработанной К. Мойером типологии агрессивности, он называет такие виды последней: 1) хищная; 2) антихищная; 3) территориальная; 4) домини-

нантная; 5) материнская; 6) детская; 7) дисциплинарно-родительская; 8) женская сексуальная; 9) относительно сексуальная; 10) мужская сексуальная; 11) вызванная страхом; 12) агрессивность раздражения; 13) инструментальная агрессивность.

Вряд ли в этом случае А. Монтегю прав. У Фромма и не было такой задачи, описать все виды агрессивности. Его различие преследует другую цель — найти критерий, который позволил бы не заниматься всеми ликами агрессивности. Кроме того, представление о том, что человек не может избавиться от агрессивности вообще, можно считать серьезным прорывом в постановке проблемы. Доброкачественная агрессия никак не связана с убийством – вот точка зрения Э. Фромма. В связи с этим можно полагать, что: 1) человеческое поведение вовсе не детерминировано генетически; 2) человеческий индивид приспособлен к любому виду поведения (доброта, чувствительность, благородство, эгоизм, трусость и т.д.), а не только к агрессивному его виду; 3) любой вид человеческого поведения детерминируется не исключительно генами, а всем опытом жизни человека во взаимодействии с его генетическим наследием.

К. Лоренц, Р. Адри, Н. Тинберген, Д. Моррис, М. Мид разработали концепцию «человека-убийцы», нашедшую поддержку как в художественной литературе, так и в кино (например, романы английского писателя У. Голдинга «Повелитель мух» [4] и американца Э. Берджесса «Механический апельсин» [5] и их экранизации). Идея эта, впрочем, не нова: она присуща равно как иудаизму, так и христианству. В таких христианских течениях, как янсенизм и кальвинизм, утверждается, что с возрастом человек становится более злым, что все помыслы и деяния человека греховны. Американские пуритане также проповедовали догмат о греховности человечества. В наши дни такого же воззрения придерживаются различные евангелические секты в США и Западной Европе (например, американский проповедник Билли Грэм и его последователи).

Монтегю приводит собранные медиками данные, доказывающие, что в вопросах агрессивности поведения дихотомия «врождённый инстинкт – приобретенный» является ложной.

Он считает, что в подобном контексте следует говорить лишь о «зрелости» и об «опыте». Наиболее важным достижением эволюции человека явилось и продолжает оставаться по сей день человеческое культурное окружение. Именно благодаря наличию этого фактора человечество смогло совершить громадный «биологический скачок» и оторваться от всех остальных видов животного мира. И тем не менее миф о «человеке-звере» бытует на протяжении всей истории человечества. Основным доказательством своей правоты приверженцы теории «человек-убийца» выдвигают факты наличия у людей каннибализма. Но каннибализм вовсе не является показателем внутренней агрессивности, изначально присущей природе человека.

Доисторически каннибализм произошел не от врождённой агрессивности «человека-зверя», а объясняется иными ритуальными причинами. Для доисторических людей было приемлемо при определённых обстоятельствах есть человека, поскольку ни их мораль, ни вкусовые ощущения этому не препятствовали, ибо только цивилизованные общества вырабатывают критерии вкуса и правила морального поведения. Поэтому вполне вероятно, что доисторические люди поедали себе подобных, не испытывая при этом абсолютно никакой агрессивности, наподобие того, как современный человек безо всякого чувства агрессивности поедает бифштексы. Именно остатком магических ритуалов каннибализма можно считать и библейское «сие есть тело моё», «сие есть кровь моя».

Человеку настолько же присущи врожденные качества благородства и взаимопомощи, насколько ему свойственны враждебность и стремление к насилию. В людях заложено столько же потенции в взаимопомощи, сколько и к насильственному поведению. Казалось бы, цивилизованного человека меньше, чем варвара, должны интересовать картины убийства и совокупления. На самом деле, это не так. Древний летописец, закрепляя в памяти казнь, был скуп: «...был повешен за шею на воротах». Что бы ему не описать агонию жертвы, кривлянье, хрипы, удушье? Есть некое соглашение, табу. Смерть не должна являться в отвратительном облике, в подробностях. Современный человек утратил эм-

патию. Сам не соглашается на удаление зуба без обезболивающего. Чужую же боль воспринимает с внутренним ликованием.

Отчего же насильственный тип поведения столь широко распространился в современном мире? Опираясь на многочисленные исследования в области нейрохирургии, можно утверждать, что мозг склонного к агрессивному поведению человека «запрограммирован» или «настроен» на насилие и поэтому те, кто полагает, что агрессивность имеет инстинктивный или врожденный характер, глубоко ошибаются.

Нет оснований считать приемлемым положение Р. Ардри о «территориальном инстинкте», изложенное в его работе «Территориальный императив». Ардри считает, что захватывать и защищать свою территорию, владеть собственностью – врожденный инстинкт человека. Монтегю же доказывает, что только экологические и социальные факторы обуславливают территориальное поведение любой популяции. Что же касается территориального поведения людей, то тенденция отождествлять поведение приматов и поведение людей ошибочно, ибо полевые исследования показывают, что стремление захватывать территорию начало проявляться у людей только с введением в их обиход сельского хозяйства, т.е. не более чем 12 тысяч лет назад. Когда человек жил охотой, «философия недвижности» ему была полностью чужда.

В 1968 г., вступая в должность профессора кафедры поведения животных Оксфордского университета, Н. Тинберген заявил в своей инаугурационной речи, что человек подобен волкам, львам и гиенам, что ему присуща тенденция убивать индивидов своего вида. Между тем многим народностям арктической, субарктической и экваториальной зон не было свойственно желание

воевать, пока они не вступили в непосредственный контакт с европейцами. З. Фрейду не верилось, что на Земле существуют неагрессивные, антивоенные народности. Но если бы он взял на себя труд заняться поисками, то обнаружил бы, что эти народности были уже хорошо известны и в его время. Что же касается современных войн, то ведут их не нации и народы, которым якобы свойственно «агрессивное поведение», а политики, причем ведут они эти войны вполне спокойно и расчетливо, с полным осознанием своего морального права, морального превосходства. Как заметил французский ученый Х. Ростан, «на войне человек больше напоминает овцу, нежели волка».

Такие социобиологи, как М. Рьюз, М. Мидгли, Э. Уилсон утверждают, что никакого барьера между зверем и человеком нет. Как? – воскликнет изумленный читатель. - А культурные традиции, моральные нормы? Разве волки знают муки совести? Неужто пчелы устанавливают обычаи? И потом человек обладает такими очевидными достоинствами, как речь, рациональность, культура... На все эти вопросы социобиологи подготовили аргументированные ответы [6; 7].

Оказывается, живые существа живут по одним и тем же принципам. Даже многие из тех традиций, которые мы чтим как достояние человеческой цивилизации, зачастую имеют непосредственные аналогии в социальном поведении животных. Смущает слово «социальное»? Но именно так. Волки сбиваются в стаи, пчелы живут роем, олени бытуют в стаде... И все это без натяжки можно назвать, по мнению социобиологов, провозвестием человеческой социальной жизни. Даже альтруизм рассматривается не как специфически человеческое, а расхожее, природное свойство всего живого царства.

Список литературы:

1. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология / Пер. с франц.; Сост. С.Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
2. Montagu A. The nature of human aggression. N.Y.: Oxford univ. Press, 1976. 381 p.
3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Вступ. ст. п.С. Гуревича; Примеч. Т.В. Панфиловой. М.: Республика, 1994. 446 с.
4. Golding W. The Lord of the Flies. L., 1954. 130 p.

5. Burgess A. A Clockwork Orange. N.Y., 1962. 213 p.
6. Рьюз М. Философия биологии / Общ. ред. И.Т. Фролова. М.: Прогресс, 1977. 319 с.
7. Уилсон Э.О. О природе человека / Пер. с англ. Т.О. Новиковой. М.: Кучково поле, 2015. 349 с.

References (transliterated):

1. Bataj Zh. Prokljataja chast'. Sakral'naja sociologija / Per. s franc.; Sost. S.N. Zenkin. M.: Lodomir, 2006. 742 s.
2. Montagu A. The nature of human aggression. N.Y.: Oxford univ. Press, 1976. 381 p.
3. Fromm Je. Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti / Vstup. st. p.S. Gurevicha; Primech. T.V. Panfilovoj. M.: Respublika, 1994. 446 s.
4. Golding W. The Lord of the Flies. L., 1954. 130 p.
5. Burgess A. A Clockwork Orange. N.Y., 1962. 213 p.
6. R'juz M. Filosofija biologii / Obshh. red. I.T. Frolova. M.: Progress, 1977. 319 s.
7. Uilson Je.O. O prirode cheloveka / Per. s angl. T.O. Novikovej. M.: Kuchkovo pole, 2015. 349 s.